Виктор АРНАУТОВ

НА РОДИНЕ ПИСАТЕЛЯ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

– Поедешь на конференцию АсПУр? – делает мне предложение председатель нашей писательской организации Борис Бурмистров.

Я уклончиво обещаю подумать, для себя уже решив – нет.

Едва успел дойти до дома, звонок по мобильнику:

– Виктор Степанович?! Это Кердан, Александр Борисович.

Я рад слышать знакомый и приятный, всегда оптимистичный и мажорный голос нашего координатора АсПУра. Обмениваемся приветствиями и дежурными телефонными вопросами.

– Витя, приезжай, – переходит Александр Борисович на дружеское обращение. – Тебя уже тут многие знают, ты – тоже. И земляк твой, Сергей Аксёненко, приедет...

Я всё ещё в некоторой нерешительности, но упоминание о Сергее, поэте из Екатеринбурга, бывшем полковнике-афганце, с которым мы познакомились и на раз взаимно сошлись более десяти лет назад, делает своё дело. Молодец Кердан, знает, чем кого взять. Уговорит любого. И я уже даю обещание, называя и его лишь по имени – Саша. А Саша-то, между прочим, тоже из военных, полковник, к тому же доктор культурологии.

На сей раз конференция – уже восемнадцатая по счёту, приурочена она к 165-летию со дня рождения уральского писателя Мамина-Сибиряка. Классика русской литературы!

Смотрю в программу конференции, что дал мне Бурмистров. В ней значатся тема, докладчики и места проведения с 5 по 7 ноября 2017 года.

«Творческое наследие Мамина-Сибиряка. Его преемственность и традиции в современной литературе» – примерно так обозначена теоретическая часть конференции. И докладчики – мне хорошо знакомые, из Екатеринбурга: Леонид Петрович Быков и Андрей Петрович Расторгуев. Оба поэты. К тому же первый – доктор филологии, профессор, второй – кандидат наук. Остроумны, талантливы. Одно удовольствие от общения с ними!

А вот места проведения мне пока ещё неясны. И если о Нижнем Тагиле я, конечно же, слыхивал, то посёлок ***Висим*** мне ни о чём не говорит. И я даже путаю его с забайкальским Витимом.

Сутки скорым поездом до Екатеринбурга. И вот уже качу электричкой дальше, на север, жадно выхватывая в окно пейзажи лесистого уральского предгорья. Всё слегка забелено недавно выпавшим снежком.

Увалы с распадочками, а по ним – речки и ручьи. Озерушки с камышово-рогозовым обрамлением уже покрыты матовым ледком, на котором маячат тёмные фигурки рыбаков-зимников. И я завидую им, одновременно утешая себя: у нас-то ещё пока никакого льда нет. А стало быть, вся моя рыбалка-перволёдье непременно дождётся меня дома. А ещё подспудно вертится в голове думка, делая северный Урал чуточку ближе: где-то там, ещё севернее, у пресловутого перевала Дятлова, в Ивдельлаге оборвалась в 1942 году жизнь моего деда по отцу, арестованного накануне начала войны, 12 июня 1941 года, – профессионального военного, подполковника, осуждённого по 58-й статье...

Чем ближе к Нижнему Тагилу, тем выше поднимаются и темнеют горы. Минуем несколько городов: Верх-Нейвинск, Невьянск, возле которых большие рукотворные водоёмы, чем-то похожие на наше Беловское море.

В Нижний Тагил подъезжаю потемну. Город весь залит разноцветными огнями, как будто радуется приезду чужака. Как и обещал Кердан, на вокзале встречают – миловидная Алёна и парень лет под тридцать. Мой приезд опередил лишь один делегат из Оренбурга. Знакомимся, быстро переходя на «ты». Его зовут Сергей, он поэт-пародист. Перебираем общих знакомых: я – оренбуржцев, он – кузбассовцев. Есть контакт!

В половине восьмого вечера по местному времени нас с Сергеем привозят на легковой машине к санаторию «Ключики», где распределяют по номерам. Нам выдают по красивому нагрудному именному бейджику на синей тесёмке и по подарку – фирменному бумажному пакету с эмблемой АсПУра, портретом Д. Н. Мамина-Сибиряка и факсимильными рукописными строками писателя.

А в пакетах тех – традиционный набор: блокнот участника, шариковая ручка, программа конференции, проект резолюции конференции, новый выпуск альманаха ассоциации «Чаша круговая».

А ещё – книга. Да не просто книга – фолиантище на 640 страниц! В красивой твёрдой обложке, бархатисто ласкающей руки. На обложке стоит имя и фамилия автора – Наталья Паэгле. Несколько странная фамилия мне пока ни о чём не говорит. Книга имеет серийный надзаголовок: «Жизнь замечательных уральцев» – аналог знаменитой серии «ЖЗЛ»! Название – «Дмитрий

Мамин-Сибиряк». На обложке фотография дома, залитого ярким солнцем, утопающего в зелени деревьев, и фото въездного символа в Висим...

Заселившись в номер, я с нетерпением раскрываю книгу. Автор её – профессиональная журналистка. Чего ей стоило написание, собирая по крупицам факты биографии писателя! А потом – и само издание... Честь и хвала автору!

Боже! До чего же скудны мои знания об этом большом истинно русском писателе! Что я знал о нём прежде? Да, читал и смотрел телефильм (уже давно) по роману «Приваловские миллионы». Читал совсем недавно своим малолетним внукам (и не по одному разу) «Серую шейку», а те заливались слезами. Читал про храброго зайца из «Алёнушкиных сказок». Припомнил рассказ «Зимовье на Студёной», читанный ещё в школе, про старика-охотника и его собаку Музгарку... Знал о том, что Мамин-Сибиряк написал романы «Золото» и «Горное гнездо», но не читал их. Вот, пожалуй, и всё.

Хотя нет. На вклейке книги я увидел цветную фотографию могилы писателя, похороненного вместе с его дочерью Алёной и женой – актрисой Марией Абрамовой. А рядом могила Куприна – в Питере, на Литераторских мостках Волковского кладбища. А ведь я был там сорок лет назад, стоял у могил А. Куприна, И. Гончарова, А. Блока и... Мамина-Сибиряка... Было это осенью, примерно в такое же ноябрьское время, когда моросил дождик, омывая мраморные памятники, а на гранитные могильные плиты осень роняла со своей палитры цветные мазки из жёлтых и багряных листьев...

Да, ещё, чуть не забыл. Ведь именно в честь Д. Н. Мамина-Сибиряка учреждена самая главная и почётная ежегодная литературная премия АсПУр!

Читаю долго, за полночь, пока не смежаются мои веки. И во сне всё нахожусь под впечатлением читанного, в каких-то фантасмагоричных картинках, перемешавших прошлое и настоящее...

А наутро – радостные встречи! Здесь уже и неунывающий Александр Кердан с милейшим усачом Арсеном Титовым, и учёные-поэты – Леонид Быков с Андреем Расторгуевым (все четверо из Екатеринбурга). С большим огорчением узнаю от Кердана, что на конференцию не приедет Сергей Аксёненко: попал в реанимацию с обширным инфарктом.

Прибыли наши соседи-сибиряки: Анатолий Кирилин (Барнаул), Анатолий Шалин (Новосибирск), Геннадий Скарлыгин (Томск), Валентина Ерофеева-Тверская (Омск).

А вот и ещё свердловчанин (простите, екатеринбуржец): мой давний приятель – поэт и фотохудожник Вадим Осипов. Да не один. С женой. А жена–то у него... оказывается, та самая автор Наталья Паэгле! Я высказываю новой знакомой слова восторга и восхищения. Косвенно перепадает и Вадиму – ведь это он ездил вместе с Натальей по всем маминским местам, собирая материалы, ведь это его фотографии помещены в книге.

Всегда приятны минуты общения с обаятельной, умной женщиной и талантливой поэтессой Ниной Ягодинцевой из Челябинска, между прочим, доцентом родственного мне института культуры.

Приятной неожиданностью для меня стало знакомство с Сергеем Александровичем Трахимёнком, которого я заочно знал по публикациям в «Нашем современнике» и в наших «Огнях Кузбасса», – первым руководителем Союза писателей Беларуси! Ещё более удивился, когда узнал, что и он, замечательный прозаик, имеет учёную степень доктора юридических наук!

Познакомился и с писателем-москвичом, носителем самой русской фамилии, Ивановым Геннадием Викторовичем. И тоже далеко не рядовым писателем – первым заместителем председателя правления Союза писателей России!

Не буду рассказывать о научно-практической части конференции. Остановлюсь лишь на поездке в тот самый загадочный и неведомый мне доселе Висим.

Его история уходит аж в петровские времена самых первых заводских промышленников Демидовых. Основан посёлок Висим в 1715 году у слияния речек Висима и Шайтанки, впадающих в речку Межевую Утку – приток реки Чусовой. Пойму рек, вдоль которых селились беженцы с Керженца, кержаки-старообрядцы, защищали от ветров пологие уральские горы – Шульпиха, Осиновая, Кокурниковая и Балимбай. Безлесые вершины этих зелёных гор называются по-местному шиханами. Шихан, пожалуй, самой красивой горы Кокурниковая, на которую частенько взбирался молодой Митя Мамин, находится на высоте порядка семисот метров над уровнем моря.

Горы эти оказались богаты не только своими уникальными камнями-минералами, но и месторождениями медных и железных руд, золота и платины. Поэтому в поймах рек и строились железоделательные и медеплавильные заводы. Без воды металлургическое, как и старательское производство, – никуда. Есть версия, что и сам термин «завод» получился от «за водой». И прежде чем построить завод, в первую очередь нужно было перегородить реку плотиной, образовав значительные запасы воды. К тому же вода – источник механической энергии и пара (так было вначале) для механизмов – мельничных кругов, прессов, кузнечных молотов и прочего.

Обнаружив месторождения и застолбив земли, Демидовы начинают строительство многочисленных заводов, перегораживая реки плотинами. В 1739 году Акинфием Никитовичем Демидовым начинается строительство Шайтано-Висимского железоделательного завода, который был запущен в производство через

пять лет, в 1744 году. А для строительства и работы на нём нужны были люди. Прежде всего нанимали местных аборигенов из кержаков. Не гнушались и беглыми людьми, которые шли в старатели и заводские работники, постепенно становясь крепостными заводскими рабочими. Широко распространялась практика привоза на работу крестьян из Центральной России и Малороссии. Они заселяли целые слободы, или «концы», живя обособленным полупатриархальным укладом, постепенно становясь и сами «местными».

В годы детства и юности Дмитрия Мамина в Висим были завезены партии крестьян из Тульской и Черниговской губерний. А заселённые ими *концы* стали называть «туляцкими» и «хохляцкими». Слободка-конец местных аборигенов получила название «кержацкой». Так и сохранились на долгие годы названия этих улиц-концов, быт и нравы которых позднее были описаны в романе Мамина-Сибиряка «Три конца».

...В Висим мы выезжаем двумя микроавтобусами, человек двадцать пять. В Нижнем Тагиле миновали городскую площадь с оригинальным памятником Ленину, я таких ещё не видывал, а наш гид сказал, что похожих памятников было всего три на весь СССР. Оригинальность в том, что скульптура в полный рост стоит на шаре, символизирующем, очевидно, земной шар. А этот шар – на высокой, метров пяти, стеле.

Проехали мимо музея-завода демидовских времён. Он ещё работал лет тридцать назад. А вот теперь его превратили в музей. И правильно!

Дорога идёт на юго-запад, в сторону Екатеринбурга, вдоль замечательной холмистой местности. От Тагила до Висима по трассе – километров сорок пять.

Висим. Здесь Мамин родился и вырос, исходил все улочки, рыбачил в пруду и на речках; будучи семинаристом и студентом, во время каникул избродил с ружьём все окрестности, взбираясь на шиханы. Сюда он возвращался всю свою сознательную жизнь – в воспоминаниях и своих произведениях. Висим – это неиссякаемый родник творчества классика русской литературы.

В настоящее время Висим и его округа – своеобразная туристическая Мекка. Сюда ежегодно приезжают десятки тысяч туристов, деловых и творческих людей.

По дороге, не доезжая километров двенадцать до Висима, остановились в знаковом месте. Это символическая граница между Европой и Азией. Столб-стела, на ней шар. На одной стороне цилиндрической стелы написано «ЕВРОПА», на другой – «АЗИЯ». Кстати, и сам посёлок тоже стоит на границе. Про это писал Дмитрий Мамин: дескать, окна его дома с одной стороны смотрят в Европу, а с другой – в Азию.

Далее путь лежал на окраину посёлка, точнее, в Туляцкий край, где мы посетили усадьбу местного умельца, мастера – золотые руки Виталия Николаевича Черепанова. Это и впрямь чудо-усадьба! И чудо-мастер! Добродушный, улыбчиво-приветливый и отзывчивый усач. Его усы почти ни в чём не уступают знаменитым «чапаевским» усам Арсена Титова. Не удержавшись, я фотографирую их вместе.

Приехал сюда однажды Виталий и так ему понравилось здесь, что он, бывший военный лётчик, приобрёл дом. И начал усадьбу и сам дом облагораживать своими руками. Резные наличники, ставни – да такой красоты, что даже иностранные туристы, приезжая сюда, не могут оторвать взглядов.

Затем по плану у нас – митинг, приуроченный ко дню рождения писателя, – у памятника ему. Памятник находится посреди широкой центральной улицы, носящей его имя, недалече от отчего дома писателя. Замечу попутно, что имя Д. Н. Мамина-Сибиряка носят ещё и местные школа с библиотекой. Кстати, имя писателя местной библиотеке было присвоено сто лет назад, ещё до революции.

Памятник построен на средства висимчан, создан скульпторами Ю. Клещевниковым и В. Гороховым и открыт в 1962 году (к 110-летию со дня рождения). На высоком мраморно-розовом постаменте установлен бюст Дмитрия Наркисовича, его голову покрывает каракулевая папаха. И смотрит он в сторону своего дома...

После митинга едем улицей, нас сопровождают сплошные кержацкие дома, которые видели ещё самого Дмитрия Мамина, его отца – попа Наркиса Матвеевича, мать Анну Семёновну, братьев Николая и Владимира, сестру Лизу... Да дома-то всё какие добротные, основательные, под тремя коньками, ничего им не делается со временем... Встречаются и кряжистые, двухэтажные, на каменных фундаментах. Тут всё делалось основательно, надолго. И сравниваешь их со своими, нарымскими домишками-времянками, слепленными наспех спецпереселенцами (ссыльными).

Многие дома строились как бесплатное жильё для привозных заводских рабочих. Им же выделялось и по гектару земли на душу. А какие-то дома построены уже и самостоятельно. Особенно старателями, после сезонных фартов. Или скупщиками добытого старателями золота и платины. Или местными купцами.

Строились и завезённые на завод рабочие, с учётом особенностей того места, откуда они были привезены сюда (кержаки-аборигены, туляки, хохлы). И невольно думаешь: «Да разве пошли бы на бунт и переворот (революцию) люди, живущие в таких домах? Конечно, работа на заводах была далеко не мёд, многие становились калеками, инвалидами, зарабатывали туберкулёз лёгких... Но ведь жили же, стремились дать хорошее образование своим детям, отправляя их после церковноприходской школы в гимназии, реальные и духовные училища, а потом – в университеты, выводя «в люди»... Вот и сын священника Митя

Мамин, проживший в Висиме 14 лет, был отправлен учиться сначала в Екатеринбургское духовное училище, потом в Пермскую духовную семинарию. А после них были и военно-медицинская академия, и университет – в Санкт-Петербурге...

Читаю подаренные мне книги из истории Висима. В лучшие дореволюционные годы в селе (а как же! Ведь здесь был православный Свято-Никольский белокаменный храм о пяти золочёных крестах, поднятых на высоту тринадцать саженей, и несколько церквей) проживало тысяч до пяти жителей. Судите сами, по статистике, в 1900 году только на Висимо-Шайтанском заводе трудились более девятисот рабочих и служащих. А при открытии храма в 1895 году присутствовало более двух тысяч прихожан!

Замечательным оказался и музей быта и ремёсел, расположенный в старинном двухэтажном доме, построенном ещё в 1870 году. Принадлежал он кержацкой семье Черемных. Там столько оригинальных экспонатов! От самодельных ткацких кросен, шерстобитной машины, металлических образцов продукции первых заводов... и до ушедших в недалёкое прошлое телефонных аппаратов и фотоувеличителей...

Особо следует сказать о великолепной диараме «Висимо-Шайтанский завод, 1860-е годы», выполненной художником Е. В. Седухиным. Это как раз время детства Дмитрия Мамина. На переднем плане – милая церквушка, обрамлённая деревцами. Позади неё простирается водная гладь пруда, вытянувшегося аж на десяток километров. За прудом, на взгорье, разбежались дома хохляцкого конца, и среди них – ещё одна церквушка. Позади домов – раздваивающаяся дорога, взбирающаяся на лысую зелёную пологую гору-шихан Кокурниковую. Справа, на переднем плане, плотина с мостом, а сразу за ней, ещё правее – чернеет сам завод, дымящий трубами...

Дом-музей Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. Как музей открыт был он в 1979 году. А в 2002 году, в связи со 150-летием со дня рождения писателя, был значительно обновлён-отреставрирован. Этот жилой дом был построен более 180 лет назад для местного священника. А таковым почти на протяжении пятнадцати лет в Висиме и являлся Наркис Матвеевич Мамин.

Здесь родился Митя Мамин 6 ноября (по новому стилю) 1852 года. Он учился в школе, что стояла рядом с его домом, сначала у отца, потом у дьякона Дюкова, которого все называли Матвеичем. Здесь родились и выросли братья писателя – Николай и Владимир, самая младшая сестра Лиза.

В доме семь просторных комнат. Четыре из них – жилые: маленькая кухня, небольшой кабинет отца, просторная гостиная и детская комната. Все они обставлены мебелью того времени: письменные столы с подсвечниками, конторка, плетёные и обычные стулья; обеденный стол с точёными ножками и с медным самоваром на столешнице, покрытой скатертью (именно тем самым самоваром, за которым чаёвничала семья Маминых). В детской – кровати, небольшой обитый кожей диван с высокой спинкой, на котором любил лежать и читать маленький Митя... По стенам – экспозиции фотографий. В гостиной – плетёное кресло-качалка. Полки и стеллажи с книгами.

Три других комнаты представлены рукописными автографами (чаще – факсимильными копиями) рукописей и писем; прижизненными книжными изданиями писателя; книгами, которые читали Дмитрий Наркисович и его отец. Тут же и экземпляры книг, которые издавались в советское время у нас в стране миллионными тиражами. Есть и зарубежные издания писателя.

Всё это характеризует не только то время, но и достаток среднезажиточного сельского церковнослужителя. Прямо скажем, не так уж и плохи были жилищные условия семьи сельского попа!

А рядом с домом Маминых сохранилось и здание той самой церковноприходской школы, куда ходил Митя. Длинный общий стол с лавками по его бокам, человек на тридцать, письменные принадлежности (гусиные перья), чернильницы с чернилами из сажи, грифельные доски, классная доска, на которых учились писать ребятишки, большая печь. А на печи, на самом верху – глиняный горшок, литра на два, в котором варилась каша для учеников и которую они ели, с раздачи учителя, на переменке. Отсюда и название своих собратьев – одно*кашники*... В этой же школе преподавала девочкам рукоделие и мама писателя Анна Семёновна.

Переполненные чувствами от прикасания к быту юного Мити Мамина, мы покидаем и этот гостеприимный уголок Висима. Спешим к средней школе, где нас уже ждут с десяток школьников старших классов. Школьное здание добротное, просторное, совсем не такое, в каком учился Митя. А вот учеников во всех классах сохранённой школы (сколько их уже позакрывали из-за малокомплектности!) – чуть больше сотни. И всего... одна выпускница...

Недолгое общение с учениками и учителями, небольшая викторина на знание биографии и произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка, подарки победителям – книги, конечно. Делаю школьной библиотеке и я подарок от писателей Кузбасса: два последних номера «Огней Кузбасса», номер альманаха «После 12» и сборник рассказов «Братья наши».

А в сельском клубе нас уже поджидают собравшиеся висимцы и участники местной самодеятельности.

По сложившейся традиции все писатели – участники конференции – непременно выступают перед местными. Открывает нашу встречу приветственным словом глава Горноуральского городского округа Н. И. Кулиш. После него бразды правления берёт на себя Александр Кердан.

Моя очередь третья. Я очень волнуюсь, боюсь сбиться. Поприветствовав собравшихся и поблагодарив организаторов, продолжаю словами: «У каждого живущего на земле есть две столбовые знаменательные даты: день рождения и день ухода в мир иной. Сегодня мы отмечаем 165-летие со дня рождения замечательного вашего земляка Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. И в этом же году исполняется 105 лет со дня его смерти.

У каждого человека на всей земле есть только два особых знаковых места: там, где он увидел свет, и там, где его бренное тело нашло своё последнее пристанище. Родился Дмитрий Мамин именно здесь, в Висиме. А местом его упокоения является Волковское кладбище в Петербурге. То место, где похоронены писатели, называют Литераторскими мостками. Сорок лет назад мне довелось побывать там и постоять у могилы писателя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка... После посещения Волковского кладбища у меня появились такие вот строки:

На Литераторских мостках
Дожди ноктюрн играют,
С палитры осень второпях
Мазки роняет.

Дождинки струйками текут
По мокрым плитам –
По тем, кто в памяти живут,
И по забытым...

Под искренние аплодисменты, всё ещё сильно волнуясь, я покидаю сцену.

Назад, в Нижний Тагил, возвращаемся всё ещё возбуждённые и ставшие чуточку ближе и роднее друг другу, чем были накануне.

Спасибо Висиму – малой родине Мамина-Сибиряка!

Спасибо Дмитрию Наркисовичу, написавшему более трёхсот произведений, из которых только одних романов более сорока, и собравшему нас сюда всех вместе!

Вернувшись домой, мне захотелось восполнить свои пробелы в знании произведений Дмитрия Мамина-Сибиряка. Я зашёл в один книжный магазин, другой, третий... Кроме книжек для детей типа «Серая шейка» и «Алёнушкины сказки», ничего там обнаружить не мог. И везде был один и тот же ответ: «Мы не заказываем книги этого писателя».

Увы и ах...

Придётся прибегнуть к помощи библиотек.